

Она захотела шагнуть в эту спальню, вытащить сына из-под груза, встряхнуть и разгладить, как смятую сорочку, но пошатнулась, схватилась за косяк.

фыркивалась от своих волос все чаще. Сегодня утром Вера вытащила моток этих волос с застрявшей в них пылью и мусором из слива ванны. Высушенными и уложенными, на голове невестки они отливали в медь, а в сливе казались серо-коричневыми.

Вера сглотнула, сжались и по-птичьи вцепились в пол ее вконец замерзшие пальцы. Она захотела шагнуть в эту спальню, вытащить сына из-под груза, встряхнуть и разгладить, как смятую сорочку, но пошатнулась, схватилась за косяк. Скрипнул паркет, дверь раскрылась шире. «А!» – услышала Вера на резком выдохе и, следом, как гул поезда, «у-у-у-м». Из спальни запахло сырым мясом.

В середине месяца Зину повысили до старшей смены. В «Пятачке», где она раньше сидела на кассе и с изможденным видом тянулась под потолок к коробу с сигаретами, приговаривая про себя «чтоб ты задохся», теперь выделили ей место в подсобке без окон, с диодной лампой. Лампа дрожала и мигала, зато Зина могла закрыться на ключ, позвонить маме и рассказать, что учудила ее ученая свекровь. Разговоры длились смену напролет. Зину звали в зал к покупателям, она выплывала из двери, придерживая пухлой рукой планшет, для виду стучала ногтем по экрану и, не поднимая головы, спрашивала: «Ну что такое?», словно покупатель с чеком наготове ей в дверь квартиры позвонил. «Мусик, говорю, давай уже отбой – убегаю, отпросилась пораньше, – возвратилась Зина к оставленной трубке. – Что? Да, отказалась вести к логопеду, представляешь? Вам, грит, сколько ни делай, все не так... И деньги, главное, я думала, все-таки из-за нее все пошло... Не! Ни копейки не положила на лечение. И сама

к неврологу тому, твоему, ага, наотрез. Ладно, ма. Все. А то сейчас опять притащится кто. Развоняется». Зина, втянув живот, уже дергала собачку на молнии высокого сапога.

Раньше Зина думала, отчего Вера одна мается. Уютная такая тетка. Даже хотела найти для све-крови какого «мужичка» (тайком от матери). С рождением Егорчика отказывалась от помощи своих, целиком положившись на «Верину педагогику». Года два толком своим не звонила, а те не спешили ездить из Сокольников. «Вера твоя мягко стелет, жестко спать. Увидишь еще». Когда же это было? В марте, юбилей справляли?

И сегодня утром Зина увидела. Лицо Веры осунулось, губы в нитку, молчит. И руки синие в венах – ее сына за плечо схватили. Тот хотел обнять ее, Зину, и застрял в решетке этих рук, не пролез. Егорчик говорил, «ба» в холодильник подолгу глядит или на плиту. Включит и стоит. Так ведь и дом спалить недолго...

«Что же там мама-то сказала – есть интернат в нашем районе?» Обходя лужу, Зина остановилась. Одно дело матери поддакивать, другое – мужу предложить сдать мать родную. «Вся пенсия будет им конечно. Но квартира-то, квартира – ты подумай, послушай мать... Тебе второго пора». Зина остановилась и даже зонт закрыла, чтобы прочесть свои же мысли.

«Б-б-а, б-б-а», – там, внутри кабинета, среди плакатов с пещерами-ртами, Егорчик звуками давился. Аж слезы текли. Зина за дверь вздрагивала и приказывала себе успокоиться. В брошюрах, разложенных веером в приемной, говорилось: такой возраст, заикание поправимо, новые методики, нервы... С мокрого раскрытого зонта капало на пол, подросток напротив глядел на ее ноги. Пахло спиртом. Сбежать бы из этого коридора потных окон и пластиковых папоротников. Наконец, придерживая ее сына, вышел врач.

– Что сказать, есть прогресс, да, но тут рекомендуется регулярность, и психолога подключать, да.
– Зачем психолога? – Стоя, Зина прижимала сына к бедру и пяtilась к выходу.
– Сильный стресс, по итогам обследования, да, можно предположить, так как речевой апп...
– Я не понимаю.
– Он боится.
– Черо?

Вера прислонила чашку к виску, тепло зашевелилось, убаюкало ее жилку, но не сняло спазм, не дошло до ступней. Она не помнила таких вьюг в ноябре. Она не знала, куда подевалась вся осень и отчего ее как будто нет на этой кухне.

езжая в общагу физтеха, всю эту мешанину рук и голы он оставил на старой кушетке. Или не совсем.

На месте кушетки теперь детская кровать (из «Икеи»), спал Егорчик. Вернувшись с работы, где засиделся допоздна, Саша быстро разулся, прошел по коридору – проверить сына. Синие отсветы от телевизора, который смотрела мать на кухне, проскальзывали по рукам Саши, путая мысли, подмешивая вопросы. «Когда это мы перестали говорить с мамой? Какой у нее хоть голос?» – не вспомнить. Мамино «Са-ашенька» взрезал Зинин напор и хрипотца: «Саш!» Как незаметно Зина стала за обеих: болтала, знала, где что в доме лежит, наливая суп, говорила между прочим, что в интернате старикам веселее, там с «ними», с «такими», пообщаются.

Раньше мать была занята в школе, а теперь Саша постоянно натыкался на нее, и ее губы, вытянутые в нитку, не располагали к разговору. Разве что вот эту неделю, когда Зина, уходя на работу, выкручивала пробки, мать жаловалась Саше, что ее выживают, называя его Семеном. Саша хмурился, переводил разговор на сына:

- Егорчик ел?
- Да, – отвечала мать, возвращался ее учительский тон.
- А днем спал?
- Жenu свою спроси, у нее сегодня выходной был.

Еще в мае, когда праздновали день рождения жены, мать называла ее Зиной, он точно помнил. «Их осенью клинит, погодите: смывать перестанет

за собой, а то вообще, где туалет, забудет. – Вчера теща позвонила уже не Зине, а прямо ему. – Саш, она, конечно, мать тебе, я понимаю, но Егорчик там, с ней... Ты подумай».

Во дворе скрипнули тормоза машины, фары осветили лицо Егорчика, захватили кусок стены над ним. Егорчик засопел, сбил одеяло к ногам, скрутив жгутом. Вспыхнула над ним фотография матери с отцом в молодости. В широкополых шляпах, мать в бусах, у отца сигара гаванская, картонные пальмы за спиной. Фотография выцвела, а их глаза – нет. На юбилее мать говорила, подвыпив, что тогда Саша в «Артеке» был, а они с отцом «раздухарились», едва ему брата не сделали. Потом перевезли из деревни бабушку после инсульта, и о втором речи не стало. Седина пошла.

Саша шагнул в комнату, собираясь укрыть Егорчика потеплее. «Я договорилась с кем надо, приплатила чуток, вам с нее – только заявление взять, ну, уговорите как-нибудь, что ли. Да! И осмотр пройти. Но это формальность. Саш, але? Слы-ши-шь меня?» Вспомнилось, как теща понизила голос. Доверительно так. Саша постоял над сыном, обхватив себя руками крест-накрест, и вышел из комнаты.

* * *

В окне напротив толпились огни, плясали гирлянды, под потолком болтался десяток воздушных шаров. Дорогих, с металлическим блеском. За столом перед Верой сидел закутанный в ее старую шаль Егорчик и водил высохшим фломастером по листу. Вжик-вжик! Пахло сгоревшим луком, из форточки сквозило по ногам, и снег, мелкий, как соль, насыпал на подоконнике горку. Он все нашептывал, о чем-то напоминал. Вера прислонила чашку к виску, тепло зашевелилось, убаюкало ее жилку, но не сняло спазм, не дошло до ступней. Она не помнила таких вьюг в ноябре. Она не знала, куда подевалась вся осень и отчего ее как будто нет на этой кухне.

Зина напевала, шлепала тапками по полу и, словно осталась наконец одна дома, с грохотом швыряла в мойку вилки, ложки, тарелки, не стряхнув в ведро остатки обеда.

- Зина, прошу тебя!
- Ну что такое?
- Что? – Вера почувствовала усталость. – Да так... Поаккуратнее бы... С тарелками.
- Пффф, новые купим! Тошно видеть эти розочки, не то что есть с них. И тяжеленные. Вот кружка эта – убить такой можно, не дай бог на ребенка уронить.

Егорчик поднял голову, фломастер заскрипел живее, из нарисованной трубы колечками выскочил дым.

– Вот когда купите, тогда и выбросим.

– Да? Вообще, вы бы собирались уже, что ли. Там очередь небось: бабки сидят как привинченные у всех кабинетов. Надо было нам раньше, конечно, блин. – Зина осеклась.

– Б-блин! – вторил матери Егорчик. Он теперь заикался, только когда повторял новые слова за старшими: психолог обещал, что это пройдет, как и те сны про птиц.

Вера отставила чашку, сугроб на подоконнике еще вырос. Стуча ботинками, сминая и расправляя коврик, вошел Саша. Егорчик бросил рисунок, побежал встречать, лист перевернуло, сдуло на пол.

Вера смотрела на сына не выходя из-за стола. Тот в прихожей что-то говорил Егорчику и бесконечно долго расшнуровывал ботинки. Не здороваясь с ней, сын прошел в ванную, вымыл руки, еще раз прошел мимо туда и сюда под болтовню Егорчика. «Вер Васильна, полис, паспорт, пенсионное взяли? Егор, уйди из-под ног, – засуетилась Зина, снова став пухленькой, скромной. – Саш, на вот сумку возьми еще эту сразу. Белье там, мусик говорит, сразу лучше». «Чтобы не возвращаться», – пояснил ее взгляд.

– Саша, что же не здороваешься? – Вера вышла из-за стола.

– Ма, не начинай.

– Посмотрите лучше вещи. На первое время хватит? – Зина опустила глаза.

«Пару месяцев – и выносят», – услышала Вера из черноты подъезда.

Зина терла кухонное полотенце, на котором не было пятна. Отвела Сашу в сторону, пихнула ему заявление распечатанное, сложенное пополам, текстом, печатями внутрь, погладила по руке. Мягко, вкрадчиво.

– Егорчик? Обнимешь бабушку?

Вера тронула белобрысую голову. Мальчик высвободился.

– Ба, уходи в п-престарелый! – И, увидев усмешку матери, повторил: – В п-престарелый дом.

Перед зеркалом Вера заправила блузку в юбку. В синем оконном стекле отражался холодильник, возле него вздрагивал, как подбитая капуста, рисунок. Вера перевернула лист мертвыми пальцами. Возле красного домика стоят трое, черточками рук зацепились: мать, отец и сын.